

Замечательная книга. Она завладевает вниманием читателя с помощью историй и повествований о них и объясняет, почему способность фантазировать является основным инстинктом человеческого вида.

*Эдвард О. Уилсон, биолог,
дважды лауреат Пулитцеровской премии*

Каждый день мы надолго погружаемся в мир фантазий, и лишь немногие задаются вопросом, почему мы это делаем. Готтшалл улавливает истинную природу этой причуды нашего вида.

Сэм Кин, автор книги «Исчезающая ложка, или Удивительные истории из жизни периодической таблицы Менделеева»

Глубокое, изложенное доступным языком исследование силы, которой обладает рассказчик историй, и их способности влиять на нашу жизнь... В книге приведено множество увлекательных примеров сторителлинга, в том числе из сферы поп-культуры.

The Boston Globe

Увлекательный рассказ о бессознательном, который восхваляет нашу способность превращать в истории практически все, что нас окружает.

New York Times Sunday Book Review

Исчерпывающее описание способности человека фантазировать.

Library Journal

Захватывающее исследование причин, почему мы занимаемся сторителлингом и продолжим это делать в будущем. «Моментальные снимки», сделанные Готтшаллом, показывают целые миры психологии, исследований сна и виртуальной реальности... Готтшалл проливает свет на трудные вопросы; его самого можно назвать прекрасным рассказчиком.

Kirkus Reviews

[>>>](http://kniga.biz.ua)
Купить книгу на сайте kniga.biz.ua

История — это не глазурь, а то, что под ней скрывается. Готтшалл красноречиво повествует об этом в своей книге, основанной на тщательном исследовании.

*Питер Губер,
генеральный директор Mandalay Entertainment*

Истории окружают нас повсюду. Они заставляют нас покупать вещи, плакать, помогают провести время и не отступают даже во время сна. Джонатан Готтшалл прослеживает, как истории приобрели такую силу благодаря эволюции нашего сознания. Он показывает, как мы оказываемся пленниками повествования. Если вы так или иначе связаны с этой областью — а кто из нас сумел ее избежать? — вы просто обязаны прочитать эту книгу.

Джона Лерер, автор бестселлера «Как мы принимаем решения»

Безгранично интересная книга, включающая в себя огромное количество наблюдений и идей по поводу воздействия на нас телевидения, книг, фильмов, видеоигр, снов, эволюции, морали, любви и множества других вещей.

*Пол Блум, профессор психологии и когнитивной науки,
Йельский университет*

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	11
1. Волшебство повествования	19
2. Тайна воображения	39
3. Даже в аду любят истории	64
4. Ночные истории	90
5. Сознание-фантазер	111
6. Мораль истории	143
7. Сюжеты, меняющие мир	167
8. Истории из жизни	186
9. Будущее мира историй	208
Благодарности	233
Примечания	235
Библиография	247
Фотоматериалы	268

*Абигаль и Аннабель,
храбрым жительницам Нетландии*

Бог создал человека, потому что Он любит истории.

Эли Визель.

Врата леса (Les Portes de la Forêt)

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Специалисты по статистике убеждены, что, если бы у них получилось поймать нескольких бессмертных обезьян, запереть их в комнате с пишущей машинкой и заставить достаточно долго бить по клавишам, те в итоге напечатали бы точную копию «Трагической истории о Гамлете, принце датском» — со всеми паузами, запятыми и «Черт возьми!». Обезьяны обязательно должны быть бессмертными; такой эксперимент, разумеется, оказался бы довольно длительным.

Некоторым людям такой исход событий кажется сомнительным. В 2003 году ученые из Плимутского университета [1] в Великобритании попытались проверить теорему о бесконечных обезьянах [2] — «попытались», поскольку бессмертных обезьян, как и возможности проводить эксперимент бесконечно, у них не было. Вместо этого в эксперименте, поставленном с помощью старого компьютера, участвовали шесть хохлатых павианов. Ученые оставили компьютер в их клетке и вышли из комнаты.

Обезьяны устали сидеть на компьютере. Они столпились вокруг него, бормоча. Они прикасались к нему ладонями. Они пытались повредить его, швыряя в него камни. Они садились на клавиатуру, испражнялись на нее, а также пробовали ее на вкус и с громкими воплями бросали на пол. Они начали тыкать в клавиши — сначала медленно, потом все быстрее. Наблюдавшие за всем этим ученые продолжали ждать.

Прошла целая неделя, за ней еще одна, а ленивые обезьяны так и не напечатали «Гамлета» — ни одной сцены. Их действия, впрочем, породили пять страниц некоторого текста, который гордые исследователи облекли в кожаный переплет и опубликовали в интернете под названием «При-

Рис. 1. Шимпанзе за пишущей машинкой

Задолго до того, как один из этих приматов мог бы подумать о том, чтобы написать «Гамлета», какой-нибудь любовный роман или историю о Гарри Поттере, — задолго до того, как они вообще могли подумать о возникновении письма, — они собирались вокруг пылающих очагов, обмениваясь небылицами про хитрых обманщиков и юных влюбленных, самоотверженных героев и искусных охотников, угрюмых вождей и мудрых старух, а также историями о происхождении солнца, звезд, богов, духов и всего остального.

Десятки тысяч лет назад, когда только появилось человеческое сознание, мы, люди, рассказывали друг другу истории. И теперь, когда наш вид расселился по всей планете, большинство из нас все еще придерживается мифологических теорий происхождения всего сущего; нас все еще потрясает многообразие сюжетов книг, пьес и телепередач — об убийствах, войнах, заговорах, о любви, правде и лжи. Мы физиологически зависим от них; когда тело человека засыпает, мозг продолжает бодрствовать и, по сути, рассказывает сказки самому себе.

Эта книга — о примате *Homo fictus* (человеке выдуманном) [5], обладающем мозгом, способным к сторителлингу. Можно этого не осознавать, но каждый из нас создан воображаемым миром Нетландии¹ — домом, в котором мы проводим десятилетия своей жизни. Не отчаивайтесь, если до сих пор не замечали этого: истории для человека — то же, что вода для рыбы, всеобъемлющая и вместе с тем практически неосязаемая. Пока ваше тело зафиксировано в кон-

¹ Нетландия (Neverland) — вымышленная страна, в которой происходит действие книг Джеймса Барри (1860–1937) о Питере Пэне. — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. ред.*

кретной точке пространственно-временного континуума, ваше сознание сохраняет способность путешествовать по фантастическим мирам. И оно путешествует.

Нетландия, впрочем, по большей части остается неизведанной страной, не отмеченной ни на какой карте. Мы не знаем, отчего мы тоскуем по историям; не знаем, существует ли вообще Нетландия и как именно (если это вообще происходит) время, проведенное там, влияет на нас как на индивидов и членов общества. Пожалуй, в жизни человека нет ничего столь же важного, о чем бы мы так мало знали.

Идея этой книги пришла ко мне, пока я слушал музыку. Чудесным осенним днем я ехал по загородному шоссе, крутя ручку радиоприемника; началась песня в стиле кантри. Обычно я реагирую на подобные происшествя неистовыми ударами по приемнику — лишь бы эта ерунда скорее закончилась, — однако на этот раз в голосе певца было нечто по-настоящему проникновенное. Я так и не прикоснулся к ручке, дослушав до конца песню о молодом человеке, пришедшем просить руки своей возлюбленной. Отец девушки просит его подождать в гостиной, где тот рассматривает фотографии маленькой девочки, играющей в Золушку, катающейся на велосипеде и «бегущей через струи садовой поливалки, измазавшись мороженым, танцующей с отцом и глядящей на него снизу вверх». Молодой человек внезапно осознает, что он собирается забрать у отца нечто чрезвычайно ценное: он уводит у него Золушку.

Еще до того, как песня закончилась, я рыдал так сильно, что был вынужден съехать на обочину. В песне «Похищя

Золушку» (Stealing Cinderella) Чака Уикса была та сладкая боль, которую испытывает отец, осознавая, что он не всегда будет самым важным мужчиной в жизни своей дочери.

Я довольно долго просидел в машине, грустя и одновременно восхищаясь тем, как быстро коротенький музыкальный рассказ Уикса превратил меня — взрослого мужчину, отнюдь не плаксу, — в совершенно беспомощное существо. Как это странно, думал я, что великолепным осенним днем такая история может подкрасться к нам и заставить нас плакать или смеяться, почувствовать себя влюбленными или сердитыми, ощутить мурашки, полностью изменить наше восприятие мира и самих себя. Как невероятно то, что, когда мы знакомимся с сюжетом — не важно, книга ли это, фильм или песня, — мы позволяем рассказчику полностью овладеть нами. Он захватывает контроль над нашим мозгом. Чак Уикс был в моей голове — съездившийся посреди темных лимфоузлов и воспламеняющихся нейронов.

На страницах этой книги я обращаюсь к достижениям биологии, психологии и нейробиологии для того, чтобы попытаться объяснить, что произошло со мной в тот день. Я понимаю, что многим покажется пугающей сама идея вторжения науки — с ее отполированными машинами, суровой статистикой и не самым легким языком — в Нетландию. Вымысел, фантазии и сны для человеческого воображения составляют нечто вроде священной, заповедной территории; они — последний оплот магии. Это единственное место, куда наука не может — точнее, не должна — врываться, сводя древние таинства к электрохимическим бурям внутри мозга или бесконечным войнам генов. Люди боятся, что,

объяснив силу притяжения Нетландии, они навсегда потеряют ее. Убьют, исследуя, как сказал Вордсворт¹. Но с этим я не согласен.

Вспомните конец «Дороги» Кормака Маккарти. Автор рассказывает историю мужчины и его сына, пересекающих опустевший мир, «мертвое пространство», в поисках необходимого для выживания: пищи и человеческого общества. Я читал роман, лежа в квадрате солнечного света на ковре в гостиной, совсем как в детстве, — и, дочитав, еще долго содрогался, переживая за мужчину и мальчика, за собственную короткую жизнь и весь свой гордый и глупый вид.

В конце «Дороги» мужчина умирает. Его сын выживает и уходит с небольшой семьей «хороших» людей. В семье есть маленькая девочка, что дает надежду. Мальчик еще может стать новым Адамом, а девочка — новой Евой. Однако все еще достаточно опасно. Вся экосистема мертва, и не ясно, дождутся ли люди ее восстановления. Последний абзац романа отвлекает нас от судьбы мальчика и его новой семьи, и Маккарти заканчивает произведение удивительным по красоте отрывком стихотворения в прозе.

Когда-то в горной речке водилась форель. Было видно, как рыбы стоят в янтарной воде, а течение медленно покачивает их плавники с дрожащими белыми каемками. Рыбины оставляли на руках запах тины. Гладкие, мускулистые, напряженные. На спинах — замысловатые узоры. Карты зарождающегося мира. Карты и запутанные лабиринты. То, что назад не вернуть. И никогда уже не исправить. В глубо-

¹ Перефраз стихотворения Уильяма Вордсворта (1770–1850) «Всё наоборот» (The Tables Turned): «...наш бесцеремонный интеллект уродует прекрасные вещи: мы убиваем, исследуя».

ких впадинах, где прятались рыбы, все дышало древностью и тайной. А человечество еще только делало свои первые шаги¹.

Что это значит? Неужели это надгробная песнь миру, который больше никогда не даст побегов жизни, или, может быть, действительно карта «зарождающегося мира»? Жив ли еще мальчик, ушедший вместе с людьми, которые ловят форель? Или его зарезали и съели? Никакая наука не сможет ответить на эти вопросы.

Однако наука может объяснить, почему такие истории обретают над нами власть. Эта книга — о том, как исследователи из разных областей используют новые инструменты и подходы для того, чтобы освоить неизведанные до того просторы Нетландии. Она о том, как истории — от телевизионной рекламы до грез или пародийного представления соревнования по армрестлингу — насыщают нашу жизнь. Она о глубине смысла, заключенного в радостной неразберихе детских фантазий, и о древнем происхождении сторителлинга; о том, как выдумка понемногу формирует то, во что мы верим, как себя ведем и что считаем этичным, — как она меняет всю культуру и историю человечества; о древних загадках удивительных ночных историй, которые мы называем снами; о том, как мозг обрабатывает информацию — обычно безупречно, но порой как будто шутя — и силой упорядочивает хаос нашего существования. Она также и о неопределенном настоящем фантазий, и об их будущем, полном надежд. В общем, она о великой загадке вымысла. Почему люди так зависят от Нетландии? Как мы стали животными, рассказывающими истории?

¹ Пер. Ю. Степаненко.

ВОЛШЕБСТВО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Господи! Когда Ты продаешь человеку книгу, Ты продаешь ему не просто триста сорок граммов бумаги, чернил и клея, но целую жизнь. Любовь, дружба, юмор и ночное путешествие на кораблях — все заключено в книге; разумеется, если она настоящая.

КРИСТОФЕР МОРЛИ. *Парнас на колесах (Parnassus on Wheels)*

Человеческая жизнь так переплетена с выдуманными историями, что мы практически перестали чувствовать их странную и завораживающую силу [1]. Чтобы начать свое путешествие, нам следует избавиться от той тесной связи с ними, что не позволяет нам замечать их необыкновенность. Просто раскройте сборник сказок — подойдут практически любые — и обратите внимание на свои ощущения. «В сердце моря» Натаниэля Филбрика, например, вовсе не художественное произведение, но от этого оно не перестает быть историей, к тому же совершенно удивительной. Филбрик рассказывает о происшествии, которое вдохновило Германа Мелвилла на создание «Моби Дика», — потоплении китобойного судна «Эссекс» огромным разъяренным кашалотом.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

К тому, чтобы прочесть «В сердце моря», нужно подготовиться. Перо Филбрика порхает как палочка старого волшебника; от этого у читателей глаза лезут на лоб и складывается ощущение, что их протащили через время и пространство. Чтобы сопротивляться такому, нужно сконцентрироваться. Не теряйте ощущения собственного кресла, шума машин за окном или веса самой книги.

Первая страница. 1821 год. Китобой «Дофин» отходит от южноамериканского побережья. Нантакетские китоловы

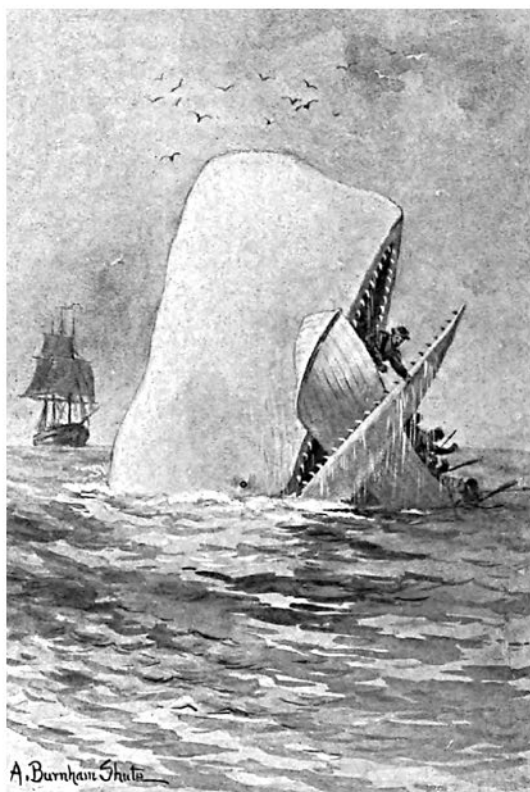

Рис. 2. А. Бёрнэм Шут. Иллюстрация к «Моби Дик» (1851)

напряженно выглядывают фонтанирующие струи пара, которые выдали бы их жертву. Капитан «Дофина» Зимри Коффин замечает небольшую лодку, покачивающуюся на горизонте. Он приказывает рулевому подойти к ней с подветренной стороны. Филбрик пишет:

Под чутким руководством Коффина рулевой подвел корабль к неуправляемому судну так близко, как это только было возможно. И хотя они быстро проскочили мимо, те краткие секунды, в которые им удалось заглянуть на борт лодки, запомнились им до конца жизни.

Сперва они увидели кости, человеческие кости, усыпавшие банку и доски настила, будто вельбот служил логовом свирепому чудовищу, пожирающему людей. Потом они заметили двух человек, скорчившихся в противоположных концах лодки. Их кожа была покрыта язвами, глаза выпирали из глазных впадин, бороды затвердели от соли и крови. Они высасывали мозг из костей своих мертвых товарищей¹ [2].

Ну и где вы? Всё еще в своем кресле, ощущаете боль в спине и слышите шум машин, видите чернила, которыми напечатана книга? Боковое зрение захватывает ваши пальцы на полях страницы, узоры на ковре? Или Филбрик вас все-таки околдовал и вы видите мокрые губы, обсасывающие человеческие кости? Эти бороды, полные морской соли? Кровавую пену, хлюпающую на дне лодки?

Честно говоря, я задал вам неразрешимую задачу. Человеческое сознание не в состоянии сопротивляться фантазии. Не важно, насколько мы сосредоточенны и упорны в своей

¹ Пер. Н. А. Болдыревой.

решимости не обращать на нее внимания — мы просто не можем преодолеть притяжение других миров.

Согласно известному изречению поэта Сэмюэла Тейлора Колриджа, у читателя книги — любой книги — нужно вызвать «готовность к временному отказу от недоверия»¹ [3]. По мнению Колриджа, читатель размышляет следующим образом: «Ну да, я знаю, что история про Старого Морехода — сплошные выдумки. Но, чтобы получить от нее удовольствие, мне стоит убавить скептицизм и на какое-то время представить, что Мореход реален. Ну ладно. Готово!»²

Но, как мы видим на примере Филбрика, *готовность* имеет тут не очень большое значение. Мы сталкиваемся с рассказчиком, который произносит магическую формулу (например, «Жили-были...») и завладевает нашим вниманием. Мы практически ничего не можем с этим сделать, разве что резко захлопнуть книгу; но и после этого нас будет преследовать образ голодного человека, буквально пытающегося высосать жизнь из костей своего товарища.

Кровавая пена, спросите вы? Ладно, я соврал; я пытался сделать этот эпизод еще более ярким и полным грубых животных инстинктов. Но заметьте, что во время чтения «В сердце моря» и вы сами — точнее, ваше сознание — изобрели удивительное количество домыслов. Разница между нами только в том, что ваша ложь не оказалась напечатанной.

Когда вы читаете Филбрика, то словно бы видите все, о чем идет речь. Скажите мне, как выглядит капитан Коффин? Стар он или молод? Носит треуголку или шляпу

¹ Пер. В. В. Рогова.

² «Сказание о Старом Мореходе» (согласно пер. В. Левика) — одна из наиболее известных поэм Колриджа, наполненная фантастическими событиями.

с мягкими полями? Какого цвета его китель? Какая у него борода? Сколько людей на палубе «Дофина»? Сколько на нем парусов? Хороша ли погода? Высоки ли волны? В какие лохмотья одеты потерпевшие кораблекрушение людоеды, если на них вообще есть одежда?

Писатели ведут себя подобно красящему забор Тому Сойеру: задача воображения практически полностью лежит на самих читателях. Чтение часто считают пассивным занятием, как будто мы просто усаживаемся поудобнее и позволяем писателям радостно насвистывать нам что-то в ухо. Но это неправда. Переживающий историю мозг буквально вскипает от напряженной работы.

Писатели иногда сравнивают свой труд с живописью. Одно слово — один мазок. Слово за словом, одно касание холста за другим создаются столь же глубокие и живые, как и в реальности, образы. Но пристальное рассмотрение текста Филбрика покажет, что писатели используют обычный карандаш. Филбрик создает набросок и намекает, как можно наполнить его цветом, а все цвета, штриховки и текстуры добавляет сознание читателя.

Эти немалые творческие усилия продолжают на протяжении всего того времени, что мы читаем. В книге может встретиться «интересный» персонаж с «жестокими глазами» и «острыми, словно лезвия» скулами, и из этих небольших под-сказок мы составим образ человека не только с такими глазами (светлыми или темными?) и щеками (бледными или румяными?), но и определенными носом и ртом. В «Войне и мире» говорится о хорошенькой «маленькой княгине» Лизе Болконской, «короткая верхняя губка» которой мило приоткрывала ее зубы; но в моем сознании княгиня предстает с живостью, намного превосходящей подробность описания Толстого.

Когда юного Петю убивают в бою, капитан Денисов испытывает сильную скорбь. Откуда я знаю? Толстой такого не говорит и не показывает мне слез капитана. Все, что я вижу как читатель, ограничивается отходящим от остывающего тела Пети Денисовым, который хватается за плетень.

Впрочем, автор не наделен абсолютной властью формировать наш читательский опыт. Он направляет нас на путь воображения, но не определяет его. Фильм начинается с создания сценария, но в жизнь его претворяет только режиссер. Так происходит с любой историей. Писатель находит слова, но они инертны и требуют катализатора — читательского воображения.

ЗАТЕРЯВШИЕСЯ В НЕТЛАНДИИ

Очевидно, что маленькие дети созданы из фантазий. На момент написания этой книги моим дочерям семь и четыре, и их жизни насквозь пропитаны воображением. Каждый их день — это счастливое путешествие по Нетландии. Они наслаждаются, читая книги и смотря мультфильмы, играя в дочки-матери, принцев и принцесс, героев и злодеев. Для моих девочек истории необходимы практически так же, как пища и любовь. Запретить Нетландию было бы насилием по отношению к ним.

В этом отношении мои дочери не уникальны. Дети по всему миру наслаждаются выдумками и сами начинают выдумывать уже в возрасте двух-трех лет. Фантазии находятся в самом центре их жизни и фактически определяют ее. Что делают маленькие дети? В основном придумывают.

Со взрослыми, разумеется, все по-другому. Нам нужно работать, и мы не можем играть весь день напролет. В пьесе

Джеймса Барри «Питер Пэн» дети семьи Дарлинг путешествуют в Нетландию, но некоторое время спустя начинают скучать по дому и возвращаются в реальный мир. Пьеса намекает, что им придется повзрослеть, а взросление означает необходимость покинуть выдуманный мир, называющийся Нетландией.

Но Питер Пэн остается в Нетландии, потому что он никогда не повзрослеет. Мы все немного больше похожи на Питера, чем нам кажется; мы покидаем ясли и забываем об игрушечных тележках и кукольных нарядах, но никогда не перестаем играть. Меняется лишь способ. Романы, сны, фильмы и мечты — это провинции Нетландии.

Одна из загадок, с которыми читатель столкнется в этой книге, касается даже не столько существования фантазий (что несколько странно), сколько места, которое они занимают. Роль фантазий в человеческой жизни простирается далеко за рамки просто романов или фильмов. Фантазирование и подобные ему занятия — главное, что у нас есть. В отличие от других занятий, за которыми можно провести свободное время, фантазированием занимаются абсолютно все. Человек занимается этим в любых условиях, даже во время войны. Вы, наверное, подозреваете, что я преувеличиваю факты в силу своего интереса к ним — может быть. Но давайте обратимся к цифрам.

Даже в век всеобщего волнения за судьбу книг их издание остается важным делом. Художественную литературу для юношества и взрослых покупают намного чаще, чем научные труды; язык некоторых ее соперников начинает становиться похожим на ее собственный. Так, появившаяся в 60-х техника «нового журнализма», заметно повлиявшая на многие нехудожественные жанры, использовала беллетристические приемы для изложения совершенно реальных

историй. Мы любим биографии отчасти по тем же причинам, по которым нам нравятся романы: в них есть подробные описания главных героев и рассказы о перипетиях их жизни. Наконец, мемуары, самый популярный тип биографий, довольно часто вольно обходятся с фактами ради достижения художественного эффекта.

Прискорбно то, что, хотя более половины американцев [4] продолжает читать художественную литературу, мы все равно читаем мало. Согласно опросу, проведенному в 2009 году Бюро трудовой статистики США, средний американец читает немногим больше двадцати минут в день [5], причем эти данные учитывают все виды изданий — от романов до газет.

Мы читаем меньше, чем прежде, но не оттого, что отказались от художественной литературы. Просто бумагу вытеснили экраны, и теперь на протяжении долгих часов мы следим за развитием истории именно на них. Согласно ряду различных исследований, средний американец смо-

Рис. 3. Бумагу вытеснили экраны

трет телевизор несколько часов в день. К моменту, когда американские дети достигнут взрослого возраста, большая часть их жизни будет проведена перед телевизором [6] — он займет даже больше времени, чем школа. Разумеется, на эту долю не приходится посещения кинотеатров и просмотры DVD. В общей сложности американец проводит перед экранами телевизора и кино примерно 900 часов в год. *Это пять часов в день* [7].

Разумеется, не все время просмотра телевизора посвящено комедиям, драмам и триллерам. Люди смотрят новости, документальные фильмы, спортивные программы и передачи смешанного типа, или реалити-шоу, которые точно не являются научными, но не могут считаться художественными. Так или иначе, практически все время, проведенное перед экраном, посвящено выдумкам и фантазиям, и телевидение продолжает привносить их в нашу жизнь.

А еще есть музыка. Музыковед и нейробиолог Дэниел Левитин считает, что мы проводим за прослушиванием музыки пять часов в день [8]. Это звучит невероятно, однако Левитин включает в свои расчеты буквально все: фоновую музыку в общественных местах, мелодии из кинофильмов и рекламы — словом, вообще все, что мы слышим через свои крохотные наушники. Конечно, не любая музыка связана со сторителлингом. Существуют симфонии и фуги, а также удивительные гаммы, комбинирующие звон китайских колокольчиков и заячьи визги, — но самая популярная музыка рассказывает истории о персонажах, пытающихся добиться желаемого, обычно о девушке или парне. Исполнители, гитаристы и барабанщики изменяют размер и ритм, но это не меняет того факта, что певец рассказывает нам о чем-то — он всего лишь маскирует это.